

В кафе женщина средних лет подошла к столику, за которым сидела симпатичная девушка.

— У вас не занято? — спросила она.

Девушка подняла на нее большие карие глаза.

— Присаживайтесь, пожалуйста.

— Спасибо.

Женщина положила сумочку на соседний стул и села.

Она окинула любопытным взглядом свою соседку и отметила, что та чем-то очень расстроена.

— У вас все в порядке? — спросила она участливо.

Девушка через силу улыбнулась, в глазах ее стояли слезы.

— Спасибо. У меня всё хорошо.

— А мне кажется, что у вас что-то случилось. Не хотите поделиться с незнакомой женщиной, которую видите первый раз в жизни? — улыбнулась женщина и взмахом руки подозвала к себе официанта. — Два кофе и два стейка средней прожарки.

Официант кивнул и отошел.

Матвеева Лидица

— Как тебя зовут, юное дитя? Что тебя так расстроило? — продолжила женщина.

— Меня зовут Маша. Расстроило? — Девушка ладно вытерла слезы. — Я... не могу...

— Ну, ладно-ладно. Нам просто время скоротать надо. Перекусим, поговорим. Хочешь, я расскажу тебе историю про мою подругу?

— Да, конечно! — улыбнулась девушка. — Очень интересно.

— Это было в советские времена, совсем давно. Тебя еще и в проекте не было.

— В прошлом веке, — уточнила девушка.

— Точно! Одна девушка, а звали ее Лидия, окончила школу с золотой медалью, была умницей, комсомолкой и красавицей. Поступила в институт на экономический факультет и с удовольствием стала учиться. Раньше в школе учились не одиннадцать, а десять лет, а Лида еще и поступила в шесть лет, а не в семь. Так что школу окончила уже в шестнадцать, а институт окончила в двадцать один. Но уже в девятнадцать лет встретила парня, который подошел к ней на улице и сделал все, чтобы с ней познакомиться. Так и стали встречаться. Молодежь в те времена не вступала в сексуальные отношения до свадьбы. Не все, конечно, но многие... Но и долго не ходили. Полгода и свадьба! Сама Лида была из деревни, из области, но в небольшом провинциальном городе у нее была старенькая бабушка. Умерла бабушка и оставила внучке однокомнатную квартирку. Маленькую. Туда Лида и переехала из общежития вместе с новоиспеченным мужем Дмитрием. Он работал токарем на заводе и заканчивал обучение в вечерней школе. Разряд токаря

Чёртик из консервной банки

у Димы был небольшой, получал он средне. Лидия пришла на работу в банк младшим экономистом тоже на не очень-то большой оклад. Так что молодая семья жила скромно, впрочем, как и многие советские семьи. А ведь в их семье уже намечалось пополнение, Лида была беременна. Дима сразу же заявил ей, что она должна родить ему сына Сашку. И только его! Лида сначала воспринимала это не очень серьезно. Раз даже позволила себе правомерный вопрос: «А если это будет дочка?» И вот тут беременной женщине выдали такое, что она содрогнулась и заткнулась. «Не смей этого даже говорить! Даже думать не смей! Я — настоящий мужик и у меня будет сын! Слышишь, только сын!» Лида даже растерялась: «Но это же нельзя как-то предвидеть...» А Дима ей: «Можно! Мне нужен сын!..»

После долгих часов схваток и очень тяжелых родов Лиде сказали:

— Поздравляю, у вас девочка!

Она даже дар речи потеряла. Настолько Дима убедил ее, что все девять месяцев она носила сына.

— Как девочка? — растерялась Лида.

— Ну, что вы, не видите, мамаша? Красивая, длинноногая девочка.

Дима был в ярости. Он крушил всё вокруг себя. Встречать жену из роддома категорически отказался.

— Я многого просил в этой жизни? Всего лишь одного! Родить мне сына Сашку! И что?! Зачем мне это? Бабье царство!..

— Дима, да ты что, в самом деле? Нельзя же предугадать. Дочка — это тоже хорошо. Я рожу тебе и сына, — сказала тогда Лидия, и это было ее большой ошибкой.

Матвеева Лидия

Ни одна женщина не должна подвергаться после беременности и родов такому унижению, будто в чем-то виновата или не оправдала ожидания. Но Лидия, совсем молоденькой девушкой к тому времени уже оставшаяся одна, а теперь еще и с дочкой на руках, не подумала, что от такого человека надо уносить ноги сразу. Да и муж все-таки... То, что дано раз и навсегда... По любви замуж выходила. Довольно наивные были тогда люди, вернее, честные, чистые... А подонки, конечно, были всегда.

Дочку Дима всё равно невзлюбил — полностью игнорировал. С женой установились натянутые отношения. Через два года у него появился еще один шанс стать отцом Сашки. Но Лида родила вторую дочку. После этого отношения покатались совсем по наклонной. Дима мог и руку поднять, и выпивать начал. На Лиду орал, на дочек орал...

— Заткни этих кукол! Чего она zenки на меня вылупила? И ты заткнись, никчемная баба! Нарожала себе бабья. Вот и занимайся ими сама...

Конечно, так долго они жить не смогли. Сама еще Лидия, может, и терпела бы. Но когда Дмитрий избил старшую дочку, она его выгнала. Долго он еще ходил, напивался, кричал под окнами, угрожал ей и девочкам, не давал ей выйти из квартиры... Соседи не выдержали и сообщили в полицию. Ну, там после пятнадцати суток Дима присмирел и оставил жену в покое. Да и на его работе, на заводе, ему тоже выставили взыскание, лишили премии и осудили товарищеским судом.

Лидия осталась с двумя маленькими дочками — одной было шесть, другой восемь. Она поняла, что цель ее жизни вырастить их, дать образование, чтобы ее дети ни

Чёртик из консервной банки

в чем не нуждались. Старшую дочку звали Ника, младшую — Вера. Девчонки росли просто загляденье: высокие, худенькие, блондинки с ямочками на щеках и яркосиними глазами. Они и внешне больше пошла в мать. По характеру Ника была более серьезная, собранная, вся в себе. Она хорошо помнила отца. Возможно, это и отразилось на ее характере и поведении. А вот Вера росла озорной девчонкой-хохотушкой. Была душой любой компании, наполняла собой все пространство вокруг. В детском садике ее звали «девочка-колокольчик» за ее веселый, заразительный смех.

Они посещали у Лидии всевозможные кружки, музыкальную и художественную школы. В школе тоже учились хорошо. Ника играла за сборную школы в волейбол. Вера участвовала в школьной самодеятельности — и танцевала, и пела. Девочки готовились поступать в вуз, поэтому Лидия платила еще и репетиторам, педагогам, которые были нужны им для дальнейшего образования. В итоге эти умницы-красавицы выросли и поступили в местный университет. В то время образование для всех было бесплатное. Только надо было сдать хорошо экзамены и набрать проходной балл. Чем престижнее был вуз, тем выше проходной балл и тем лучше надо было сдать экзамены.

Обе дочки Лиды справились. Ника захотела стать биологом, а вот Вера педагогом английского языка. В высшем учебном заведении к нему в обязательном порядке добавился еще один язык по выбору — испанский, итальянский, немецкий и французский, который она и выбрала.

Лидия очень гордилась своими дочками. Долгие двадцать лет она растила их, совсем забыв про себя. Интен-

сивная умственная нагрузка на работе сменялась трудом физическим, когда все другие сотрудники уходили. Лидия, чтобы достойно содержать своих девочек, подрабатывала уборщицей. А еще и дома иногда мыла лестницы. Из красивой, улыбчивой девушки к сорока годам она превратилась в худую женщину с грубыми большими руками с набухшими венами. Конечно, девочки помогали, когда подросли. И мыли лестницы, и содержали дом в чистоте, и очень быстро научились готовить, чтобы радовать уставшую маму вкусной едой, и мыли за себя и за нее посуду.

С Дмитрием к тому времени Лида уже развелась. Помогать он ничем не помогал и с дочерьми не общался никогда, даже не поздравлял в день рождения и в Новый год, — казалось бы, самые детские и волшебные праздники, когда детишки ждут чуда и сюрприза. Лидия пыталась им компенсировать отсутствие отца, была как бы за обоих родителей. Ее девочки всегда были и одеты, и обуты, и все имели, как дети из полных семей. Жили они дружно. Девчонки даже студентками спали на двуспальной кровати, а Лидия на раскладном диване. В их однокомнатную квартиру часто приходили гости и со стороны Лидии, и со стороны девчонок, и всегда всем хватало и места, и угощений. В тесноте, да не в обиде.

А вот у Дмитрия жизнь тоже пошла по-своему. Завод, на котором он работал, был вынужден предоставить ему общежитие. Свою жену и нелюбимых дочек Дима постарался забыть и жить, не вспоминая о них.

Чисто внешне Дима был парень интересный, высокий брюнет с сочными губами и крупными глазами. Поэтому года через два бесшабашных гуляний по разбитым женским сердцам встретил он милую девушку,

опять-таки с высшим образованием, из порядочной, состоятельной семьи. Возможно, именно это и стало для Дмитрия решающим моментом связать себя узами Гименея во второй раз. Уж очень ему не нравилась жизнь в общаге с общими туалетами и кухней. Родители жены, работающие где-то в снабжении, подарили на свадьбу молодым квартиру и машину. Дима был счастлив. Новую жену звали Галина. Нравился он ей очень, в постели тоже отработывал. Только не нравилось ему, что родители Гали постоянно просят поработать на даче и все время говорят про внуков.

— Мы же знаем, что у вас есть две чудесные девочки. Вот и нашей бы Галочке такую же куколку родить, а мы поможем всем, чем можем, — как-то сказали они зятю, и Диму просто передернуло, но потерять автомобиль, которому завидовали все мужики, он не мог.

Да и Галина заверила, что, в отличие от бывшей, родит ему сына. Главное, что эти сердобольные люди, зная, что у их зятяка есть двое несовершеннолетних детей, никогда не спрашивали, почему он не помогает детям, не приглашает их в гости, не общается с ними. Такое положение дел всех устраивало. Мол, зять проверен как племенной бычок на производительность здоровых детей, но «чужое нам не натъ, нам только свое натъ».

Галина после двух лет неудачных попыток забеременеть все-таки порадовала, в первую очередь своих родителей, и родила сына. Мальчика назвали Сашей. Дима тоже дождался своего наследника. И говорят, что привязался к мальчишке.

Но судьба сыграла с ним злую шутку. К пяти годам у Саши резко ухудшилось зрение, стало плохо с ногами,

всё время поднималась температура, порой появлялись судороги. Ребенок месяцами лежал в больницах, Галина сходила с ума. До конца диагноз никто не мог поставить, но все время просили больших денег на какие-то то экспериментальные, то импортные лекарства, которые могут помочь ребенку.

От Димы толку было мало, и тесть пошел на должностное преступление, слил по черной схеме большую партию импортного товара, а все деньги взял себе, на лечение внука. Так хотел много денег, что с кем-то не поделился. Видимо, тот и донес. Суд над отцом Галины вообще не считал смягчающим обстоятельством то, что он пошел на это из-за больного внука. Даже диагноз ребенка не мог внятно прозвучать в суде, потому что его не было. И, как сказал прокурор, если бы все дедушки воровали у самого святого государства в таких суммах из-за температурки или недомогания детей или внуков, то государства уже не было бы. Приговор был суровым. Десять лет колонии строгого режима с полной конфискацией имущества. Они лишились двух квартир, дачи, двух машин и сбережений. Остались все вместе в однокомнатной квартире. Мама Галины долго не прожила. Переживая за мужа, через год скончалась от обширного инсульта. Забегая вперед, скажу, что отец Гали также не пережил тюремного заключения, позора и смерти жены. На пять лет он пережил ее и умер в тюрьме от полиорганной патологии.

Галину же с Сашей наконец-то смогли отправить в Москву в научный центр, где и был поставлен неутешительный диагноз — тяжелая генетическая патология, которую, к сожалению, в то время еще не лечили. Да и не

Чёртик из консервной банки

знаю, лечат ли сейчас, я не медик. Обследовали и Галину, и Дмитрия и выявили патологический ген именно у Дмитрия, который мог передаваться только по мужской линии. Там он был сцеплен с какой-то хромосомой, которая определяла мужской пол ребенка. Такая вот ирония судьбы... Дмитрий хотел только сына, но именно его ему и нельзя было иметь — этот ребенок сто процентов из ста был бы тяжелобольным. Лидия, хоть и много гадостей выслушала от него, оказалась в выигрыше. У нее росли две здоровые дочери.

А вот вторая семья Димы счастливой не стала. Саша умер в возрасте десяти лет от своего генетического заболевания. Галина, и лично я сочувствую горю любой матери, так и не оправилась от этой потери. На то время они остались с Димой одни, без родителей, и она разделила с ним его вредную привычку — прикладываться к рюмке. У нее в жизни ничего не осталось. И, как женщина, она спилась очень быстро, покинув мужа. Дима потом, уже один, пропил квартиру за несколько лет.

Так что про дочерей он вспомнил через много-много лет. Тогда-то и явился по адресу их проживания, как уже потом рассказали Лидии соседи. Для чего он приходил, так никто и не узнал, — в скорости он стигнул в небытие.

А одна из соседок Лидии тогда сказала ему:

— Димка, ты, что ли? Сколько лет, сколько зим! Еле тебя узнала. А ты что тут? Дочек повидать? Да ладно! Ты знаешь, сколько им лет? Двадцать и двадцать два! Они уже давно выросли, продали квартиру и уехали. Нет, не в другой район и даже не в Москву, и не в другой город. За границу уехали. Навсегда. Извини, Дима. Другой информации нет. А вот младшая твоя дочка, Верочка, даже

успела выйти замуж. Свадьба тоже была за рубежом, во Франции кажется, и вряд ли она захотела бы тебя позвать. Извини... Сам знаешь почему.

Незадолго до этого последнего визита отца к своим дочерям в жизни семьи Лидии произошли кардинальные изменения. Ника уже окончила биологический факультет, и ее взяли на работу в одну из лабораторий города по проверке качества воды и продуктов. Работа Нике нравилась. Учителем биологии в школу она точно бы не пошла. Правда зарплата у нее была мизерная. А вот Вера, учившаяся на предпоследнем курсе университета, как отличница была направлена во Францию, в Париж, по обмену студентами в рамках сотрудничества двух стран. Французские студенты, изучающие русский язык, поехали в Россию, а русские студенты, победители олимпиад, изучающие французский язык, поехали во Францию. Лидия очень волновалась за дочку. Собирали они ее всей семьей. Ника отдала свою помаду и самое нарядное свое платье.

— Говорят, что француженки все очень красивые, стильные. Ты там тоже наряжайся.

— Наша Вера там будет самой красивой. Я даже не сомневаюсь, — говорила Лидия. — Ты обязательно позвони! Вечером никуда не ходи. Держись русских ребят.

И Вера, со своей очаровательной улыбкой, открытая к общению, живая и жизнерадостная, улетела во Францию на целый месяц, пообещав, что будет вести себя хорошо и привезет им красивые платья и сувениры. Слава богу, она благополучно долетела и вернулась в срок. Но вот стала сама на себя не похожа. Бледная, грустная, часто с заплаканными глазами, нервная. Постоянно бегающая к почтовому ящику.

Лидия попросила Нику поговорить с ней и выяснить причину таких изменений в поведении сестры. Вера Нике не открылась. И тогда сама Лидия пристала к дочери, прижала, как говорится, ее к стенке.

— Ты вернулась из Франции совсем другим человеком. И все твои объяснения, что все хорошо, а что плохо, нам кажется, это вранье. Я твоя мать! Я чувствую тебя сердцем! С тобой что-то случилось во время этой поездки. Ты должна рассказать все, что бы там ни произошло! Я приму все и поддержу тебя. Я и Ника — твоя семья!

Вера немного посопротивлялась, а потом расплакалась.

— Зачем говорить то, что я заведомо знаю? Не поддерживайте. Просто оставьте меня в покое. Время лечит...

— Господи, девочка моя! Что с тобой там сделали? Тебя обидели, да? Успокой мое сердце.

— Да никто меня не обидел! Влюбилась я! Серьезно и надолго. Зовут его Пьер, он стоматолог, ему двадцать пять лет, и он лучший в мире! Я этот месяц прожила, словно на одном дыхании, вернее, на одном с ним дыхании. Мы фактически не расставались. У меня в самолете заболел зуб. И сразу же после прилета и заселения в молодежный кемпинг я нашла стоматолога... Его. Он тоже сказал мне, что полюбил меня, и просил остаться. У меня сердце просто разрывалось. Но вы же никогда не разрешите мне уехать туда! И только не надо говорить, что я его забуду, что это просто увлеченность, что все пройдет! — заявила Вера.

— Почему ты так думаешь? Это, конечно, неожиданно, но... Любовь, наверное, может не спросить, где ты живешь и какой ты национальности, — ответила ей Лидия.

